

философия в бундаре

эстетика

флоракль и курраль

двойное испытание

заманательные истории,
новеллы и фэблио

Маркиз де Сад

Маркиз де Сад Двойное испытание

*текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=166680
Маркиз де Сад. Сборник: Продолжение жизни; 2003
ISBN 5-94730-015-X*

Аннотация

Испытывать женщину исстари почиталось занятием препустейшим; как подтолкнуть ее к падению – известно, слабость женская – бесспорна, отсюда искушения любого рода – излишни. Женщины подобны осажденным городам: у тех и у других имеется сторона незащищенная, одна забота – отыскать ее...

Содержание

***	4
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Маркиз де Сад Двойное испытание

Испытывать женщину исстари почиталось занятием препустейшим; как подтолкнуть ее к падению – известно, слабость женская – бесспорна, отсюда искушения любого рода – излишни. Женщины подобны осажденным городам, у тех и у других имеется сторона незащищенная; одна забота – отыскать ее. Едва она раскрыта – крепость сдана; искусство сие, как и все иные, зиждется на основных положениях, из них выводятся предписания частные, учитывающие особенности подступа к женщинам того или иного склада.

Тем не менее, из общих правил порой встречаются исключения, и в доказательство тому написана наша история.

Герцогу де Селькуру было тридцать лет, блеск ума и красоты соединился в нем с преимуществом куда более ценным – ибо оное выставляет в выгодном свете остальные достоинства – он был владельцем восьмисот тысяч ливров ренты и тратил их с беспримерным вкусом и щедростью, пять лет он пользовался плодами этого огромного богатства, внося в свой любовный список имена тридцати парижских красавиц, и наконец, не став дожидаться, пока зарождающееся пресыщение перерастет в полное бесчувствие, Селькур вознамерился жениться.

Опыт общения с женщинами его не радовал: всякий раз в поисках искренности он сталкивался с притворством, в поисках серьезности – с ветреностью, в поисках человечности – с эгоизмом, а в поисках здравомыслия – с умствованием... все они уступали, движимые корыстолюбием или похотливостью, добившись обладания ими, он встречал то стыдливость при отсутствии добродетели, то распущенность при отсутствии сладострастности, и вот, сделавшись крайне разборчивым и боясь ошибиться в главном, что определяет покой и счастье жизни человеческой, Селькур решил испытать будущую свою избранницу, применив к ней разом и то, что призвано обольщать, и то, что призвано разочаровывать; сначала нужно обворозжить, обеспечив верную победу, а затем разрушить иллюзию, дабы удостовериться: что же на самом деле определило успех. Вполне надежный маневр для вынесения правильного приговора. Но сколько угроз таилось вокруг! Отыщется ли хоть одна в мире женщина, способная выдержать такое испытание? И если она, в упоении чувств, в которое сначала ввергнет ее Селькур, проявит готовность ему принадлежать, то сумеет ли она смириться с утратой престижа, полюбит она Селькура за него самого или будет дорожить лишь искусными его обольщениями? Чем более он осознавал опасность подобной уловки, тем более безоговорочно готов был верить себя той, кто выкажет полное бескорыстие: отринет роскошь, которой он себя окружит, с целью очаровать ее, и будет любить его таким, какой он есть.

Итак, взоры свои он обратил на двух женщин, решив выбрать ту, которая окажется более искренней, а главное, более чуждой корысти.

Одна из этих женщин – баронесса Дольсе. Она овдовела два года назад. Выйдя замуж шестнадцати лет за немолодого человека, она прожила в браке полтора года, после чего супруг ее скончался, не оставив наследников.

Небесный облик Дольсе воскрешал в памяти ангелов с полотен Альбана. Высокая... тоненькая... с трепетной небрежностью жестов... такая непринужденность в манерах почти наверное выдает женщину пылкую, наполненную чувством, а не изображением его, она будто не догадывается, насколько хороша, и оттого становится еще неотразимей. Мягкий

нрав, нежная душа и романический склад ума довершали портрет молодой сей персоны. Не было в тогдашнем Париже никого обворожительней.

Иной тип красоты являла другая вдова, двадцатилетняя графиня де Нельмур; рослая, приятной полноты, не миловидная, а скорее, величественная, яркостью черт и выразительностью глаз она напоминала римлянку; эта элегантная кокетка знала себе цену; острый ум и холодное сердце, в сочетании с требовательным властным характером, неудержимо подталкивали ее к удовольствиям – на ее счету уже значилось два-три приключения, не столь явных для того, чтобы замарать ее репутацию, однако достаточно известных, чтобы дать повод упрекнуть ее в неосмотрительности.

С точки зрения выгоды и престижа, мнение светского круга большого света было бы однозначным – обладание ни одной из женщин Парижа не польстило бы Селькуру так, как победа над госпожой де Нельмур. О том, чтобы склонить графиню ко второму браку, никто и мечтать не смел. Однако сердце порой не внимает умствованиям, питающим себялюбие: оно предоставляет их усмотрению спесивости, и решение свое выносит, не советуясь с ней.

Такова история Селькура. Питая живой интерес к госпоже де Нельмур и уясняя самому себе природу своих чувств, он вынужден был признать, что движим более жаждой успеха, нежели трепетом любви.

И напротив, постигая суть непреодолимой своей склонности к прелестной Дольсе, он не обнаруживал иных мотивов, кроме нежности – чистой, свободной от примесей. Словом, ему было бы приятно считаться любовником де Нельмур; однако мужем ему хотелось бы стать только для Дольсе.

Герцог слишком часто обманывался из-за наружности женщин – к несчастью, даже обладая ими, узнаешь их ничуть не лучше, – и на этот раз, наперекор собственным глазам, не доверяя более своему сердцу и полагаясь только на свою голову, он вознамерился, как мы уже отмечали, выявить особенности характера обеих претенденток и отдать предпочтение той, кто не даст ни малейшего повода для сомнений.

В соответствии с этими соображениями, Селькур первым делом отправился к Дольсе; он знал, что три раза в неделю ее можно застать на званом обеде, устраиваемом в доме одной их общей знакомой. Он объяснился в любви. Молодая вдова выслушала его, поначалу она поразилась, затем обрадовалась: помимо богатства – ценности, в глазах баронессы, малозначительной, – Селькуру нельзя было отказать в изощренной проницательности ума, в статности фигуры и в обходительности... редкая женщина устоит против такого обаяния и безупречности манер.

– Сказать по правде, – говорила госпожа де Дольсе своему поклоннику, – нужно быть такой бесхарактерной или такой безумной, как я, чтобы поверить в то, что меня удостоил внимания первый прожигатель жизни Парижа; очень скоро я поплачусь за мимолетный приступ гордыни; будьте со мной откровенны; обманывать самую чистосердечную женщину, какую вам доводилось встречать на своем пути, несправедливо и жестоко.

– Мне обманывать вас! Прекрасная Дольсе... и вы это допускаете? Какого же презрения заслужит тот, кто солжет вам! Разве замышляется лицемерие рядом с душевной чистотой? Разве рождается преступление у подножия добродетели? Ах, Дольсе, чувства мои искренни, клянусь, они не иссякнут, пока я жив, ведь пыл их я черпаю в ваших притягательных взглядах.

– Такие разговоры вы ведете со всеми женщинами. Полагаете меня несведущей в языке любви? Надо просто выучиться витиевато выражать свои мысли! Истинное чувство не имеет ничего общего с искусством обольщения. Зачем тратить на любовь, если для успеха довольно одного мастерства?

– Нет, Дольсе, нет, не нужно вам усваивать уроки лжи! Впрочем, преподавать их вам почти невозможно: стоит холодному искусителю, преуспевшему в науке страсти нежной,

упасть к вашим ногам, как один луч ваших пленительных глаз разрушит все победоносные замыслы и тотчас превратит его в вашего раба – божество прикует к себе цепями поклонения того, кто отважился бросить ему вызов.

Речи, произнесенные бархатным голосом и подкрепленные изящностью слога, приобрели особую живость и яркость – Селькур умел нравиться – очень скоро он понял, что впечатлительная душа бедняжки Дольсе принадлежит ему без остатка.

Добившись своего, лукавец переходит к стремительной атаке графини де Нельмур.

Такая женщина – опытная, утонченная и надменная – требовала к себе иного подхода. Селькур, намеревавшийся испытать обеих, отдавал себе отчет – его склонность к графине не столь ясна и определена, как его чувство к баронессе, ему будет нелегко изъясняться с ней на языке любви. Что есть страсть, предписанная рассудком, в сравнении со страстью, подсказанной сердцем?

Итак, изначально отношение Селькура к каждой из женщин было неравноценным, тем не менее признать себя побежденным он намерен был лишь перед той, кто выдержит задуманное им испытание. Окажется более стойкой Нельмур? Что ж, у нее достанет прелестей утешить его от потери соперницы, а если ей удастся выиграть и в целомудренности – она сделается еще милее.

– Что с вами случилось, сударыня? – сказал ей как-то вечером Селькур. – Сдается мне, вам вздумалось пожить в уединении; прежде присутствием своим вы украшали любую прогулку, любой спектакль; все мчались туда стремглав в надежде вас увидеть; не покидайте свет – без вас скучно и пусто... К чему такое затворничество? Это что – мизантропия или стремление устроить личную жизнь?

– Личная жизнь? Занятое выражение! И с кем же, по-вашему, мне ее устраивать?

– Сие мне неведомо; хотя доподлинно известно, кто был бы не прочь устроить свою личную жизнь с вами.

– Не называйте его имени, прошу вас: мне ненавистны любые планы подобного устройства...

– Возможно ли быть столь непримиримой?

– Мне думается, вы принимаете меня за кокетку, ведь так?

– Подобаает ли сие звание восхитительнейшей женщине, существующей в мире? Если подобаает, позвольте вам его присвоить...

Графиня одарила герцога де Селькура едва скользнувшим нежным взглядом и тут же отвела глаза:

– Сказать по правде, вы самый опасный из моих знакомых мужчин; сто раз зарекалась никогда больше с вами не встречаться, и все-таки...

– Вот оно что! Разум строит планы, а сердце все-таки их нарушает?

– Вовсе нет; замыслы мои всегда благонамеренны, но после – они расстраиваются, из-за моих же необдуманных поступков; только и всего. Рассматривайте сие, как вам заблагорассудится, только не делайте выводов в свою пользу.

– Запретом своим вы, стало быть, допускаете, что у меня появится повод возгордиться?

– Ах, мне ли не знать, что вы из тех, кто стремится произвести впечатление! Они твердо уверены, что не могут не понравиться, и свято верят в свой успех; легчайшие намеки, вырвавшиеся из женских уст, кажутся им признаниями, один взгляд равнозначен поражению, их тщеславие хватается за любые наши слабости, всегда расценивая их как подтверждение одержанных над нами побед.

– О как я далек от подобных мыслей!

– И совершенно правы, не заблуждаясь на сей счет.

– Это невыносимо – быть так близко от вас и удержаться от...

– Значит, вы не ждете от меня пощады?

– Навлечь на себя ваш гнев?.. Пожалуй, рискну, если заручусь вашим прощением.

– Вы умираете от желания признаться мне в любви.

– Я?.. Не пророню ни слова; я не столь неловок, чтобы затевать объяснение... При виде вас я тотчас подпал бы под влияние чувства, о котором вы говорите, ваше присутствие вдохновило и воспламенило бы меня безмерно... я оказался бы совершенно незащищен... и если бы пришлось открыться вам во всем, я бы ни за что не отыскал выражений, способных верно отобразить то, что вы мне внушаете, и горел бы, лишенный возможности описать сжигающий меня огонь.

– И что же! Это не объяснение в любви?

– Вам хочется расценить мои слова, как таковое? Неслыханная милость с вашей стороны – теперь я избавлен от труда признаваться вам на самом деле.

– Поистине, сударь, вы – самый несносный человек, какого я встречала.

– Вот благодарность, рожденная в этой прекрасной душе... В ответ на мои старания вам угодить вы осыпаете меня обвинениями.

– Угодить мне? С точностью до наоборот; гораздо проще искренне сказать женщине, любите вы ее или нет, вы же прикрываетесь цветистыми фразами, стараясь опутать меня, словно паутиной.

– Предположим, именно таков мой замысел, но тогда я вас не разочарую даже после того, как вы меня разгадаете.

– Выходит, мне самой надлежит вам сказать, любите вы меня или нет?

– По крайней мере, дайте знать, что не слишком огорчитесь, если я осмелюсь все вам высказать.

– Разве подобные откровения огорчительны?

– А по-вашему, они занимательны?

– Смотря по обстоятельствам.

– Вы, право, меня обнадеживаете.

– О, я же говорила: чтобы узнать правду, мне придется встать перед ним на колени!

– Либо не очень сердиться, если это сделаю я...

И Селькур падает к ногам своей чаровницы, пылко сжимая ее руки и покрывая их поцелуями.

– Снова меня побуждают к легкомысленному поступку, – говорит Нельмур, поднимаясь. – Теперь мне потребуется целая неделя для раскаяния...

– Ах, не предвосхищайте горести любви еще до того, как вкусили ее радости.

– Нет, нет, тем, кто подобно мне, опасается шипов, лучше никогда не срывать розы...

Прощайте, Селькур. Где вы ужинаете сегодня?

– Как можно дальше от вас.

– Вот как! Отчего же?

– Я вас боюсь.

– Это было бы правдой, будь вы в меня влюблены; однако несколько минут назад вы намекнули, что это не так.

– Малейшее ваше сомнение на сей счет сделало бы меня несчастнейшим из смертных.

Графиня устремляется к своей карете, пора расставаться, на прощание она берет с герцога де Селькура слово явиться к ней завтра на званый обед.

Тем временем прелестная Дольсе, и не помышлявшая о том, что поклонник ее сейчас у ног другой, была преисполнена блаженства и ощущала себя любимой. Она поделилась со своей наперсницей, что недоумевает, как ей, обладательнице столь скромных достоинств, удалось пленить самого привлекательного мужчину в мире... Чем заслужила она его внимание? Что надлежит ей предпринять, дабы поддержать этот интерес? А вдруг герцог окажется ветреником – не умрет ли она от горя? Эта милая доверчивая женщина говорила совершен-

ную правду, она пока не осознавала, сколь сильно влюблена, и сколь непереносимым ударом станет для нее известие о неверности Селькура.

Иное дело – графиня де Нельмур, в ее чувствах не было ни тени трагизма: польщенная одержанной недавно победой, она не теряла самообладания. Селькур рассматривает ее в качестве любовницы? Что ж, принизить двадцать соперниц – дивное наслаждение, тут есть чем гордиться... Герцог намеревается жениться на ней? Чудесно – тогда она станет женой человека, имеющего восемьсот тысяч ливров ренты. Во главу любовного расчета она ставила выгоду и честолюбие, что, впрочем, отнюдь не упрощало построение ее оборонительных комбинаций. Допустим, герцог отведет ей роль любовницы, и не более того, тогда надо заставить его мучительно ждать; чем настойчивее будут его старания понравиться, тем более будет возбуждено общее внимание. Стоит сдать сразу – через каких-нибудь пару дней – и вместо торжества ей достанется унижение. Теперь предположим, что Селькур нацелен на женитьбу, в таком случае, еще важнее правильно защищаться: кто знает, вдруг он откажется от своих планов, если получит из рук любви то, чего добивался путем брака? Итак, нужно раскусить его, привязать... умерить его пламя, если он слишком загорится... и снова разжечь огонь, если он попытается ускользнуть... В отличие от чувствительной Дольсе, наивно поддавшейся нахлынувшей на нее искренней нежности, Нельмур берет на вооружение хитрость, кокетство, жеманство и лицемерие... Таковы были планы, вынашиваемые графиней в одиночестве: нам еще предстоит узнать, в какой мере то, что решено женщиной подобного склада при отсутствии страстей, претворяется в жизнь при их пробуждении.

Так обстояли дела, когда герцог, приступая к первому этапу испытания, решает начать с баронессы. Это было в июне, в пору пышного цветения природы. Герцог приглашает баронессу на два дня в свое великолепное имение, расположенное в окрестностях Парижа, там он намеревался пленить ее, не скупясь на самые изысканные фантазии, и выяснить, что творится в ее душе в ходе этого первоначального воздействия, дабы предвосхитить результат последующего испытания, которое он предпримет ближе к развязке.

Селькур был человеком благороднейших правил, состоятельный и щедрый, он просчитал каждый свой шаг, стараясь сделать празднество, предназначенное им для Дольсе, не только пышным, но и приятным для всех сторон. Графиня не примет участия в этой поездке и не узнает об истинном ее замысле, а герцог, в свою очередь, позаботится о том, чтобы на общем фоне женщин, подобранных им для окружения баронессы, она выделялась настолько выгодно, что ни у кого не вызовет удивления, отчего он воскуряет фимиам именно у ее ног; что касается мужчин, приглашались только те, в ком он был совершенно уверен. Таким образом, предусматривалось всеобщее поклонение идолу, при этом никто и ничто не должны задевать достоинство самого влюбленного и затмевать даму его сердца.

Дольсе звали Ирен; в день именин очаровательной вдовушке будет преподнесен букет цветов – чем не повод для устройства всеобщего увеселения.

И вот она в пути: на расстоянии одного лье от замка дорога разветвляется на широкие, обсаженные деревьями аллеи. На краю дороги баронессу поджидала перламутровая колесница, управляемая юношей в образе Амура, запряженная шестью оленями, украшенными лентами и цветами, по форме она напоминала трон, покрытый зеленым балдахинном с золотыми блестками. Двенадцать девушек, веселых и игривых, извлекают ее из дорожного экипажа и переносят на трон. Пятьдесят всадников в старинных доспехах эскортируют колесницу, кругом звучат ликующие напевы.

Баронесса выходит из колесницы, к ней приближается величественная дама в наряде рыцарской эпохи в сопровождении двенадцати девиц-фрейлин.¹ Они проводят Дольсе к

¹ Так называли девушек, составлявших свиту знатных особ. Девицы-фрейлины просуществовали до тех пор, пока королевы не добились их устранения из придворной жизни, случилось это после того, как в период царствования Людовика

лестнице, ведущей в замок, где ее поджидает наш герой в рыцарском облачении, прекраснее самого Марса. Едва завидев баронессу, он преклонил перед ней колено – так поступил бы во времена «круглого стола» самоотверженный Ланселот Озерный.

Он вводит ее в апартаменты. Там все подготовлено к веселому празднеству с обильным угощением, прежде это называлось *пир на весь мир*. Во всех залах вдоль стен расставлены столы, ломящиеся от разнообразных яств. При появлении Дольсе раздаётся звучание фанфар, флейт и гобоев, менестрели заводят утренние серенады, жонглеры выделывают акробатические трюки, трубадуры со всех сторон превозносят героиню торжества. Наша дама и ее шевалье направляются в последний пиршественный зал, где изысканные блюда разложены на очень низком столе, вокруг стоят скамьи, покрытые коврами и подушками. Для омовения рук девицы-фрейлины приносят позолоченные кувшины с водой, источающей нежнейшие ароматы, а для вытирания – предлагают свои прекрасные волосы. Рыцари и дамы садятся за стол парами, чтобы есть из одной тарелки,² нетрудно догадаться, что и Селькур оказывается рядом с Дольсе. Во время десерта снова появляются трубадуры, они развлекают баронессу поэтическими и музыкальными импровизациями.

По окончании трапезы действие переносится на площадь для состязаний; это огороженное турнирное поле, вокруг – великолепные трибуны, застланные зелеными коврами с золотыми блестками, предназначенные для судей и дам. Перед началом ристалища герольды оглашают турнир, выкрикивая: «К почестям!». Появляются турнирные судьи и приступают к проверке оружия. Взору представляется несравненное по красоте зрелище боевых приготовлений: гербы и боевые доспехи, слепящие глаза блеском отраженных в них солнечных лучей, рыцари, демонстрирующие свое военное снаряжение, множество зрителей, – трудно определить, что восхитительнее, и чему отдать предпочтение, – наконец, со всех уголков ристалища раздаются звуки труб, к ним присоединяется нарастающий шум рукоплесканий и приветственных возгласов.

После того как женщины рассаживаются по скамьям амфитеатра, баронесса подает знак, и турнир открывается *общей схваткой*.³ Сто рыцарей-зачинщиков облачены в зеленое и золотое – это цвета баронессы. Им противостоит равное число атакующих бойцов в красном и лазурном: их лошади, пущенные во весь опор, казалось, вот-вот оторвутся от земли и взлетят в небо. Защитники обрушиваются на зачинщиков... Всадники пересекаются в схватке... Кони ржут, щиты разлетаются на куски, шлемы падают, кому-то удастся поразить соперника, кто-то вылетает из седла и, вывалившись в пыли, пытается подняться и продолжить сражение. К чудовищному хаосу битвы примешивается барабанный бой и выкрики; казалось, на этом поле брани собрались воители с четырех сторон света, дабы обессмертить себя во славу Беллоны и Марса.

Турнир завершается победой зеленых, пора переходить к поединкам.

В одиночном бою принимают участие рыцари всех цветов, каждого из них сопровождает его дама, она ведет за узду, украшенную цветами, боевого коня своего возлюбленного. Рыцари атакуют друг друга. Бой длится несколько часов, завершаясь появлением героя в зеленом, бросающего вызов всякому, кто появится на ристалище... он гордо объявляет, что Дольсе – самая прекрасная и самая достойная из всех дам; двадцать воинов пытаются оспорить его заявление, но все они сражены в поединке и, у ног героини Селькура, вынуждены признать себя побежденными, выполнив те или иные предписанные им условия.

Первая часть представления длится весь день, затем госпожу Дольсе, еще не успевшую как следует освоиться, препровождают в отведенные ей покои, и Селькур спрашивает у

XIV этот любвеобильный монарх злоупотребил использованием этих узаконенных сералей. (Прим. авт.)

² В ту пору существовал такой обычай. Обратитесь к рыцарским романам. (Прим. авт.)

³ Такое выражение означает бой между группами равной величины. (Прим. авт.)

нее позволения зайти за ней час спустя, дабы совершить ночную прогулку по его садам. Скромница Дольсе воспринимает это приглашение настороженно.

– О небо! – восклицает ей в ответ Селькур. – Неужели вы не знаете неписаного нравственного кодекса рыцарства? Прекрасная дама в наших замках чувствует себя в такой же безопасности, как у себя во дворце. Честь, любовь и благоприличие – таковы законы наши и добродетели. Чем сильнее вдохновляет нас красота той, кому мы служим, тем смиреннее мы склоняемся пред нею ниц.

Дольсе одаривает Селькура улыбкой, обещая сопровождать его повсюду, куда бы он ее ни повез, они расходятся, и каждый готовится ко второму акту этого приятного праздника.

В десять вечера Селькур является к предмету своего поклонения. Они следуют по дороге, освещенной мерцающими раковинами, ленты их огоньков, хитроумно переплетаясь, сливаются в два имени – обожателя и его возлюбленной – изображенные на фоне привычной символики Амура. Они заходят в театральную залу, там ведущие актеры французской сцены разыгрывают два спектакля: «Соблазнитель» и «Зенеид». Выходя из комедийного театра, они направляются в другую часть парка.

Здесь находится роскошный пиршественный зал, украшенный внутри гирляндами из живых цветов, с вплетенными в них свечами.

Во время трапезы появляется конный воин при полном боевом снаряжении, он посылает вызов одному из присутствующих рыцарей; тот встает из-за стола, его облачают в доспехи; участники поединка поднимаются на открытую площадку напротив стола и демонстрируют перед дамами мастерское владение тремя видами оружия: копьем, мечом и булавой. Битва завершается, и далее пирующих развлекают своим искусством многочисленные жонглеры, трубадуры и менестрели. Все разыгрываемые представления: пантомима, музыка, стихи – обращены к Дольсе – воспевают и прославляют ее, все устроено сообразно ее вкусам и посвящено ей одной.

Изысканная деликатность шевалье не оставляет Дольсе равнодушной, она взволнована, в глазах ее ясно проступает выражение любви и благодарности...

– Благородный сеньор, – простодушно признается она, – воистину я готова поверить – если бы мы родились в те славные времена, вы избрали бы меня своей прекрасной дамой...

– Ангел небесный, – шепчет ей в ответ Селькур, – в какие бы времена не довелось нам жить, мы предназначены друг для друга; не лишайте меня радости в это верить, пока не настала блаженная пора, когда я сумею вас в этом убедить.

После ужина гости переходят в следующую залу, убранную проще, там установлены театральные декорации для двух замечательных опер Монвеля, и лучшие итальянские комедианты исполняют их в присутствии самого автора – не просто талантливого сочинителя очаровательных бесхитростных произведений, но и милейшего человека, любезно согласившегося возложить на себя бремя по устройству этого блистательного празднества.

Вторая пьеса завершилась при свете едва забрезжившей утренней зари. Пора возвращаться в замок.

– Сударыня, – говорит Селькур, провожая баронессу до ее покоев, – простите меня за то, что я не могу отвести вам больше часов для сна; рыцари на этом празднике воодушевляются лишь от блеска ваших глаз и пылко сражаются, лишь заслужив от вас похвалу, завтра они собираются штурмовать башню великанов, но при условии, что вы почтите их своим присутствием... Неужели вы откажете им в такой милости? Будучи лучше других осведомлен об окончательной цели этого необыкновенного приключения, не стану скрывать, что соучастие ваше, желанное всегда и везде, в данном случае, приобретает важность чрезвычайную: рыцарь в черных доспехах, неистовый великан, живущий в башне, давно уже нам докучает... он со своими сообщниками не первый год совершает набеги на мои земли и добрался уже до ворот замка. Но в конце концов грозный этот рыцарь вынужден будет отсту-

пить – по воле звезды, восходящей в момент его рождения – при виде вашей красоты он ослабеет ровно вдвое. Покажитесь же, прекрасная Дольсе, и пусть все вокруг вторят мне: вы принесли в наши края радость и любовь, а отныне одаряете их миром и покоем.

– Я всегда буду следовать за вами, шевалье, – произносит баронесса, – и пусть покой, которым, по-вашему, я распоряжаюсь, воцарится в сердцах других, коль мне не дано его сейчас установить в собственном моем сердце.

При этих словах ее огромные голубые глаза, полные огня, встречаются с глазами Селькура, такими и запечатлелись в глубине его души божественные черты этого лица.

Госпожа де Дольсе улеглась, но ей не спалось из-за охватившего ее глубокого волнения; предупредительность, заботливость и учтивость со стороны обожаемого ею мужчины погружали ее в омут новых, неизведанных ощущений; после столь очевидных ухаживаний ей казалось невозможным, чтобы тот, кто владел ее чувствами столь безраздельно, не пылал к ней равной страстью – она оказалась беззащитной перед натиском любви, ожидая одних радостей и не подозревая об уготованных ей невзгодах.

Селькур же оставался непреклонен в своих планах довершить испытание, и хотя нежные взгляды такой красивой женщины глубоко разбередили его сердечную рану, ему удалось устоять и еще более укрепиться в решении сдаться на милость той, кто окажется действительно достойной привязать его к себе навсегда.

После беспокойной ночи, в девять часов утра баронесса просыпается от звуков труб, кимвалов, рогов, призывающих рыцарей к оружию... Она быстро собирается и спускается; Селькур ждет ее; впереди выстраиваются пятьдесят рыцарей в зеленом, при полном облачении; баронесса и Селькур едут следом – в коляске такого же цвета, запряженной двенадцатью сардинскими лошадками в сбруе из зеленого бархата с золотыми блестками. Едва они отъехали примерно на пять лье от замка Селькура и поравнялись с лесом, в котором обособился рыцарь в черных доспехах, вдалеке показываются шесть великанов, вооруженных булавами, на огромных конях, еще четыре рыцаря мчатся в авангарде.

Все останавливаются: коляска Селькура и его прекрасной дамы выдвигается во главу отряда. Посылается герольд с поручением задать вопрос одному из появившихся великанов, защищающих проход на черную башню: неужели тот будет настолько неучтив, что откажет даме Солнца в ее просьбе – отобедать у него, в обществе рыцаря в зеленых доспехах, удостоенного чести служить ей.

Навстречу герольду, со стороны опушки леса, приближается рыцарь в черном – могучая стать, тяжелая булава, боевой конь... каждое его движение внушает страх; обе стороны наблюдают за исходом их встречи, наконец, возвращается герольд и объявляет о том, что ничем не удастся смягчить *Качукрикакамбоса*:

– Лучезарный лик дамы Солнца, – сказал рыцарь в черном, – уже ослабил меня наполовину; испытываю на себе непреодолимую власть ее глаз; однако я буду отстаивать свою свободу – я слишком ею дорожу, и не согласен утратить даже то небольшое, что от нее осталось; передайте этой даме, – добавил великан, – что принудить меня выполнить любое ее требование можно только силой оружия, и уверьте: биться с сопровождающими ее воинами я буду с тем же пылом, с каким буду стараться избегать ее взглядов... одного их луча довольно, чтобы низвергнуть меня к ее ногам.

– К бою... к бою, друзья мои! – призывает Селькур, вскакивая на великолепного боевого коня. – А вы, сударыня, извольте следовать за нами поодаль, взгляду вашему назначено закрепить нашу победу; предстоит сражение с неприятелем серьезным – такого не одолеть одной силой, понадобится еще и военная хитрость.

Начинается битва; число великанов растет; они появляются отовсюду, изо всех уголков леса; рыцари в зеленом разделяются на группы, дабы встретиться с неприятелем лицом к лицу; они несутся на горячих скакунах, тесня противников с флангов и умело ослабляя

превосходство в силе с помощью ловкости и легкости – они наносят меткие удары, от которых невозможно уклониться, особенно воинам, обремененным огромным ростом и тяжелым оружием. Героиня сопровождает рыцарей, сражающихся ради нее; тех, кого ее защитникам не удастся поразить железом, она добивает прекрасными своими глазами... Враг сломлен... и отступает в замешательстве; победители оттесняют побежденных в густую лесную чащу, наконец, открывается проход на поляну, посреди которой стоит замок *Качукрикакамбоса*.

По бокам этого огромного сооружения возвышаются четыре башни из черного, как смоль, мрамора; на стенах симметрично располагаются серебряные вензеля и орнаментальные украшения в виде военных доспехов; замок окружен рвом, в него можно попасть лишь с помощью подъемного моста; на верхушках башен толпятся темнокожие карлики, при приближении коляски дамы Солнца они обрушивают на нее поток маленьких стрел из эбенового дерева, наконечник каждой стрелы увенчан большим букетом цветов. Не проходит и десяти минут, как Дольсе, ее экипаж, ее лошади, все пространство на четыре туаза вокруг, усыпано розами, жасминами, сиренью, нарциссами, гвоздиками и туберозами... ее едва можно разглядеть под этой грудой цветов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.